

1001 ночь.

Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане и его сыне ШаррКане, и другом сыне Дау-аль Макане, и о случившихся с ними чудесах и диковинах

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 45-50](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 51-56](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 57-62](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 63-68](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 69-74](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 75-80](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 81-86](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 87-92](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 93-98](#)

[Повесть о царе Омаре ибн ан-Нумане, ночи 99-107](#)

Девяносто третья ночь

Когда же настала девяносто третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, услышав эти слова, царь Афридун упал без чувств, и его кос оказался у него под ногами.

И когда он очнулся от обморока, страх затряс мешок его желудка, и он пожаловался старой Зат-ад-Давахи. А эта проклятая была кудесница из кудесниц, искусная в колдовстве и обмане, распутница, хитрица, развратница и обманщица. У нее был зловонный рот, красные веки, желтые щеки, мрачный облик, гнойливые глаза, паршивое тело, волосы с проседью, горбатая спина и бледный цвет лица, и из носу у нее текло. Но она читала писания ислама и путешествовала к священному храму Аллаха, – все для того, чтобы уразуметь верования Корана. И два года она исповедовала еврейство в Иерусалиме, чтобы усвоить коварство людей и джиннов. И она – опасность из опасностей и бедствие из бедствий, нечестивая по вере, непокорная никакой религии. И чаще всего она жила у своего сына Хардуба, царя румов, из-за невинных девушек, так как она любила прижиматься, и если это запаздывало, она впадала в небытие. И всякую девушку, которая ей нравилась, она обучала этой премудрости и натирала шафраном, и девушка от крайнего наслаждения ненадолго лишалась чувств. И тем, кто ее слушался, она благодетельствовала, и внушала своему сыну склонность к ней; тех же, кто ее не слушался, она ухитрялась погубить. И этому она научила Марджану, Рейхану и Утруджу, невольниц Абризы. А царица Абриза не терпела старухи и ненавидела лежать с нею, так как у нее из подмышек шел скверный запах, а ее ветры были зловоннее падали, и тело ее было грубее пальмового лыка. И тех, кто лежал с нею, старуха соблазняла драгоценностями и обучением науке. Абриза же отдалялась от нее, прибегая к мудрому и знающему. И Аллаха достоин тот, кто сказал:

О, униженно перед богатыми упдающий

И над бедными возносящий кичливо!

О, желающий, набирая деньги, уродство скрыть,

Благовоньями не покрыть ветров дурнушке!

Но вернемся к рассказу о ее кознях и хитрых проделках.

И вот она отправилась, и с нею отправились вельможа христиан и войска их, и они двинулись к войску ислама. А после ее отъезда царь Хардуб вошел к царю Афридуну и сказал ему: "О царь, не нужен нам ни великий патриарх, ни его молитвы! Лучше сделаем так, как придумала моя мать Зат-ад-Давахи, и посмотрим, что она учинит с войсками мусульман при ее беспредельной хитрости. Они со своей силой подходят к нам и скоро будут перед нами и окружат нас".

И когда царь Афридун услышал эти слова, страх стал велик в его сердце, и в тот же час и минуту он написал во все христианские области, говоря: "Надлежит, чтобы никто из людей христианской веры и приверженцев креста, особенно жители укреплений и крепостей, не оставался сзади; напротив, пусть придут к нам все – и пешие, и конные, и женщины, и дети. Войско мусульман попирает нашу землю; спешите же, спешите, пока не пришла беда!"

Вот что было с этими. Что же касается старухи Зат-ад-Давахи то она выступила со своими людьми за город и "дела их как мусульманских купцов. И она взяла с собою сотню мулов, нагруженных аптиохийскими материями, мадипским атласом, царской парчой и другими тканями, и взяла от царя Афридуна письмо такого содержания: это купцы из сирийской земли, которые были в наших странах. Не должно никому причинять им зла и брать с них десятину, пока они не достигнут своей страны и безопасного места, ибо от купцов процветают земли и они не враги и не разбойники".

А затем проклятая Зат-ад-Давахи сказала тем, кто был с нею: "Я хочу устроить хитрость, чтобы погубить мусульман". И они ответили ей: "О царица, приказывай нам, что хочешь, мы тебе покорны, и да не сделает мессия тщетными твои дела!"

И старуха надела одежду из белой мягкой шерсти и стала тереть себе лоб, пока на нем не сделалось большое клеймо. Она намазала его жиром и устроила так, что оно стало испускать сильный свет. А проклятая была худа телом, и глаза ее провалились, и она заковала себе ноги на ступнями и пошла, и шла до тех пор, пока не достигла войска мусульман. Тогда она сняла с ног цепи (а они оставили следы у нее на икрах), и смазала их драконовой кровью [159], а затем она велела своим людям покрепче побить ее и положить в сундук, и сказала: "Кричите слова единобожия [160], вам не будет от этого большой беды". – "Как мы побьем тебя, когда ты наша госпожа Зат-ад-Давахи, мать славного царя?" – спросили ее. И она отвечала: "Осуждения не найдет тот, кто в нужник пойдет, когда необходимо, – запретное допустимо! А после того, как положите меня в сундук, возьмите его, среди прочих товаров, нагрузите на мулов и везите все это через мусульманское войско, не боясь ничего дурного. А если вам: преградит дорогу кто-нибудь из мусульман, отдайте ему мулов с товарами и идите к их царю Дау-аль-Макану. Попросите у него помощи и скажите: "Мы были в стране неверных, и они ничего не взяли от пас, – наоборот, они написали постановление, чтобы никто не препятствовал нам, – так как же вы отбираете от нас товары? И вот письмо царя румов, где сказано, чтобы никто не делал нам дурного". И если он спросит: "А что вы нажили в стране румов на ваш товар?" – скажите ему: "Мы нажили освобождение одного подвижника, который был в погребке под землей и провел там около пятнадцати лет, взывая о помощи, но не получая ее; напротив, неверные пытали его ночью и днем, а нам это не было ведомо, хотя мы прожили в аль-Кустантынии некоторое время и продавали свои товары и купили другие. И, снарядившись, мы решили отправиться в нашу страну и провели ночь, разговаривая о путешествии. А наутро мы увидели образ, изображенный на стене, и, подойдя, всмотрелись в него, и вдруг это изображение пошевелилось и сказало: "О мусульмане, есть среди вас кто-нибудь, кто вступит в сделку с господом миров?" – "А как это?" – спросили мы. И изображение осветило: "Аллах дал мне речь, чтобы укрепить вашу уверенность и заставить вас подумать о вашей вере. Выходите из страны неверных и отправляйтесь к войску мусульман, ибо там меч всемилостивого и витязь своего времени, царь Шарр-Кан, и он тот, кто завоюет аль-Кустантынню и погубит людей христианской веры. И когда вы пройдете трехдневный путь, вы увидите пустынь, называемую пустынь Матруханны. И там, в этой пустыни, есть келья. Пойдите туда с чистыми намерениями и ухитритесь в нее проникнуть силой вашей

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

решимости, так как в ней один человек – богомолец из Иерусалима, по имени Абд–Аллах. Он из благочестивейших людей и творит чудеса, устраняющие сомнения и неясность. Его обманул какой–то монах и заточил в погреб, где он уже долгое время, и спасение его угодно господу рабов, так как освободить его – лучший подвиг за веру".

И, уговорившись со своими людьми об этом рассказе, старуха сказала:

"И когда царь Шарр–Кан обратит к вам свой слух, скажите ему: "И, услышав от изображения эти слова, мы поняли, что тот богомолец..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто четвертая ночь

Когда же настала девяносто четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что старуха Зат–ад–Давахи, договорившись со своими людьми об ртом рассказе, сказала: "А когда царь Шарр–Кан обратит к вам свой слух, скажите ему: "И, услышав от изображения эти слова, мы поняли, что тот богомолец один из величайших праведников и искренних рабов Аллаха. Мы проехали три дня и увидели пустынь и свернули и направились к ней и пробыли там день, продавая и покупая, как делают обычно торговцы, а когда день повернул на закат и приблизилась мрачная ночь, мы направились в ту келью, где был погреб, и услышали, как богомолец, после чтения стихов Корана, произнес такие стихи:

"Я к терпению призываю сердце, и грудь тепла,

и течет в душе огорчения море, залив все.

Если нет спасенья, то лучше смерть, даже скорая:

Ведь поистине мне приятней гибель, чем бедствия.

О блеск молнии, посетишь коль близких и родину,

И сияние красоты их яркой затмит тебя,

От меня скажи: "Как нам встретиться? Разорили нас

Войны долгие, и к залогу дверь уже рапорта".

Передай привет ты возлюбленным и скажи ты им:

"Далеко я ныне, и в церкви румов закован я".

И когда вы достигнете со мной войска мусульман и я окажусь среди них, – увидите, какую я тогда устрою хитрость, чтобы обмануть их и убить до последнего", – говорила старуха. И, услышав ее слова, христиане поцеловали ей руки и положили ее в сундук, побив ее сначала, из уважения к ней, жестоким и болезненным боем, так как мы считали подчинение ей обязательным. А потом, как мы и помянули, они направились с нею к войску мусульман.

Вот все, что было с этой проклятой Зат–ад–Давахи и со людьми. Что же касается мусульманских войск, то после того как Аллах помог им против врагов и воины захватили богатства и сокровища, бывшие на судах, они уселись и стали беседовать, и Дау–аль–Макан сказал своему брату: "Аллах дал нам победу за нашу справедливость и подчинение друг другу. Последуй же, о Шарр–Кан моему приказанию, повинуюсь Аллаху, великому, славному: я намерен убить десять царей за моего отца, зарезать пятьдесят тысяч румов и вступить в аль–Кустантынию".

И его брат Шарр–Кан ответил: "Моя душа выкупит тебя от смерти, и война с неверными для меня неизбежна, даже если бы я оставался в их землях мною лет. Но у меня, о брат мой, есть в Дамаске дочь по имени Кудья–Факан, и мое сердце охвачено любовью к ней. Она – диковина своего времени, и ей еще предстоят дела". – "И я тоже оставил свою невольницу беременной на сносях, – ответил Дау–аль–Макан, – и я не знаю, чем наделит меня Аллах. Обещай же мне, о брат мой, что если Аллах пошлет мне дитя мужского пола, ты позволишь, чтобы твоя дочь Кудья–Факан была женою моему сыну, и дай мне в этом верные клятвы". – "С любовью и охотой, – отвечал Шарр–Кан и протянул руку к своему брату, говоря: – Если у тебя будет дитя мужского пола, я отдам за него мою дочь Кудья–Факан".

И Дау–аль–Макан обрадовался этому, и они стали поздравлять друг друга с победой над врагами, и везирь Дандан поздравил Шарр–Кана и его брата и сказал им: "Знайте, о цари, Аллах дал нам победу потому, что мы подарили Аллаху, великому, славному, наши души и покинули близких и родных. По–моему, лучше всего нам двинуться за врагами и ожидать их и сразиться с ними. Быть может, Аллах даст нам достигнуть желаемого, и мы истребим наших врагов. А если хотите, садитесь на мои корабли и идите морем, а мы пойдем сушей и будем стойки в бою и сражении во время схватки".

И везирь Дандан, не переставая, подстрекал их к бою и произнес слова сказавшего:

Лучше благ всех – когда врагов убиваю

Иль на спинах копей несусь, нападая.

Или если гонец придет от любимой,

Иль любимый, что сам пришел, без условия".

И слова другого:

"Коль буду я жив, войну возьму себе в матери,

И в братья – копье мое, в отцы же – мой меч возьму,

Бок о бок со вострепанным, что смехом встречает смерть,

Как будто убитым быть стремится и хочет он".

А окончив эти стихи, везирь Дандан воскликнул: "Слава тому, кто укрепил нас своей великой поддержкой и отдал нам в добычу серебро и чистое золото!" И Дауаль–Макан велел войскам трогаться, и они двинулись, направляясь к аль–Кустантынии. И ускорили они ход и подошли к просторному лугу, где было все, что есть прекрасного: и резвящиеся звери, и бегающие газели, а воины пересекли многие пустыни, и вода у них вышла шесть дней назад. И, приблизившись к этому лугу, они увидели там полноводные ручьи и спелые плоды, и ту землю, подобную райскому саду, что убралась в свой убор и украсилась, и ветви ее упились вином росы и закачались, соединяя сладость райского потока с нежностью ветерка и ошеломляя разум и око, как сказал поэт:

Посмотри на сад ты сверкающий – и подумашь,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Что разостлан плащ на земле его зеленый.

Если взор очей обратишь к нему, то увидишь ты

Только пруд большой, где вода, кружась, гуляет.

Ио душевным оком узришь величье в ветвях его:

Над главой твоей, где бы ни был ты, будет знамя.

Или, как сказал другой;

Поток-щека, от лучей блестящих румяная,

И ползет на ней молодой пушок – тень ивы.

На ногах ветвей, как браслет, вода обвивается,

Серебром сияя, цветы же – как короны.

И Дау-аль-Макан взглянул на этот луг, где сплетались деревья и пышно цвели цветы и пели птицы, и позвал своего брата Шарр-Кана и сказал ему: "О браг мой, поистине в Дамаске нег подобного места. И мы по двинемся отсюда раньше чем через три дня, чтобы мы могли отдохнуть и войска ислама ободрились бы и укрепили мы свои души для встречи со скверными нечестивцами". И они остались в этом моею и, будучи там, вдруг услышали издали голоса. И когда Дау-аль-Макан спросил о них, ему сказали: "Это караван купцов из земель сирийских, который расположился в этом месте для отдыха. Может быть, воины повстречали их и, возможно, взяли что-нибудь из их товаров, так как эти купцы были в землях неверных".

А через некоторое время пришли купцы, крича и зывая к царю о помощи. И, увидя это, Дау-аль-Макан приказал привести их, и они предстали перед ним и сказали: "О царь, мы были в землях неверных, и они ничего не отняли у нас. Так как же наши братья мусульмане грабят паше имущество, когда мы в их землях? Увидев ваши войска, мы приблизились к ним, и они забрали паши товары. Вот мы рассказали тебе, что с нами случилось".

И потом купцы вынули письмо царя аль-Кустантынии, а Шарр-Кан взял его и прочитал и сказал купцам: "Мы возвратим вам то, что у вас взяли, но вам не следовало возить товары в страны неверных". – "О владыка, – сказали купцы, – Аллах направил нас в их страны, чтобы нам досталось то, что не досталось ни одному завоевателю, ни даже вам в ваших походах". "А что же досталось вам?" – спросил Шарр-Кан. И купцы ответили: "Мы скажем об этом только наедине, так как, если это дело станет известным среди людей, может случиться, что кто-нибудь узнает об этом, и эго будет причиной нашей гибели и гибели всех мусульман, отправившихся в страны румов".

И купцы принесли сундук, в котором была проклятая Зат-ад-Давахи, и Дау-аль-Макан с браом взяли их и уединились с ними, и купцы рассказали им о подвижнике и стали так плакать, что довели их до плача..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто пятая ночь

Когда же настала девяносто пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Дау-альМакан и его брат Шарр-Кан уединились с ними, христиане, бывшие в обличье купцов, рассказали им о подвижнике и так плакали, что довели царей до плача. А они рассказывали так, как их научила кудесница Зат-ад-Давахи.

И сердце Шарр-Кана размягчилось, и он почувствовал жалость к подвижнику, и приверженность к Аллаху великому поднялась в нем. "Освободили вы этого отшельника иди он до сей поры в пустыни?" – спросил он купцов. И они сказали: "Нет, мы освободили его и убили начальника пустыни, так как боялись за себя, а потом мы поспешили убежать, страшась гибели. И верные люди рассказали нам, что в этом монастыре целые кантары золота, серебра и драгоценностей". А потом они принесли сундук и вынули оттуда эту проклятую, и она была точно стручок кассии [161], – так она почернела и исхудала, опутанная цепями и оковами.

И, у видя ее, Дау-аль-Макан и присутствовавшие подумали, что это кто-нибудь из лучших богомольцев и достойнейших подвижников, особенно потому, что лоб у нее светился от жира, которым она намазалась. И Дау-альМакан и его брат горько заплакали и, поднявшись, поцеловали ей руки и стали рыдать, но она сделала им знак и сказала: "Бросьте этот плач и послушайте мои речи". И братья прекратили плач, следуя ее приказанию, и она сказала: "Знайте, я доволен тем, что сделал со мной мой владыка, так как я считаю постигшее меня несчастье испытанием от него, велик он и славен, – а кто не стоек в беде и испытаниях, нет тому достуна в езды блаженства. И я хотел бы вернуться в мою страну не от горя, из-за несчастий, которые постигли меня, а чтобы умереть под копытами копей и бойцов за веру, которые по будут живы, а не мертвы".

И она произнесла такие стихи:

"Вот крепость–гора Синай, и битвы огонь горит,

А ты – Моисей и время – время беседы.

Так брось же свой посох, – он пожрет все творенья их не бойся, веревка их змеею не станет.

И строки врагов в бою читай, точно суры, ты,

А меч – ивой на шеях их стихи вырезает".

И когда старуха окончила свои стихи, слезы полились у нее из глаз, а лоб с жиром сиял ярким светом. И ШаррКан поднялся и поцеловал ее руки и принес ей пищу, но она отказалась и сказала: "Я не разговлялся уже пятнадцать лет, как же могу я нарушить пост в этот час, когда мой владыка даровал мне освобождение из плена неверных и отвратил от меня то, что тяжелее пытки огнем? Я подожду до времени заката". Когда же настала вечерняя пора, Шарр-Кан с Дау-аль-Маканом принесли ей еду и сказали ей: "Ешь, подвижник", а она ответила: "Теперь не время есть, теперь время поклоняться владыке воздающему".

И она простояла в михрабе [162] на молитве, пока не прошла ночь. И делала так три дня, вместе с ночами, и присаживалась она только при заключительном приветствии [163]. И когда Дау-аль-Макан увидел, что она поступает так, хорошие мысли о ней овладели его сердцем, и он сказал Шарр-Кан: "Поставь этому богомольцу кожаный шатер и назначь постельничего, чтобы служить ему".

А на четвертый день она потребовала еду, и ей подали все кушанья, какие желательны душе и усладительны для глаз, но она съела из этого лишь одну лепешку с солью и затем принялась поститься. А когда пришла ночь, она встала на молитву.

И Шарр-Кан сказал Дау-аль-Макану: ""Этот человек совсем отказался от жизни и если бы не война, я бы не покидал его и служил бы ему, поклоняясь Аллаху, пока не предстану пред ним. Я хочу войти к нему в шатер и побеседовать с ним немного". – "И я тоже, – сказал Дауаль-Макан, – но мы завтра отправляемся в поход на альКустантынию и не найдем времени такого, как это". – "Я тоже хочу увидеть этого

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

подвижника, – сказал везирь Дандан, – может быть, он помолится, чтобы я окончил жизнь в войне за веру и предстал бы пред господом. Поистине, я отказываюсь от земной жизни".

И когда спустилась ночь, они вошли в шатер этой кудесницы авт–ад–Давахи и увидели, что она стоит и молится. И, подойдя к ней, они стали плакать, жалея ее, но она не обращала на них внимания, пока не настала ночь. А тогда она закончила молитву заключительным приветствием и, обратившись к ним, поздоровалась с ними и спросила: "Зачем вы пришли?" И они сказали ей: "О богомолец, не слышал ты разве, как мы плакали около тебя?" – "Тот, кто стоит перед лицом Аллаха, не существует в бытии и не слышит ничего голоса и никого не видит", – отвечала старуха. И они молвили! "Мы хотим, чтобы ты рассказал нам, почему ты был в плену, и молился за нас сегодня ночью, – это лучше для нас, чем владеть аль–Кустантынией". Услышав их слова, старуха воскликнула: "Клянусь Аллахом, не будь вы эмирами мусульман, я вовсе ничего не рассказал бы вам об этом, ибо я жалею только Аллаху! Но вот я расскажу вам, почему я был в плену.

Знайте, что я находился в Иерусалиме кое с кем из святых и боговдохновенных людей, но я не превозносился перед ними, так как Аллах – да будет он возвеличен и прославлен! – даровал мне смирение и воздержанность. И случилось, что я отправился ночью к морю и пошел по воде, и гордость вошла в меня не знаю откуда, и я сказал себе: "Кто, подобно мне, идет по воде?" И с того времени мое сердце огрубело. И Аллах наслал на меня любовь к путешествиям. И я отправился в земли румов и ходил по их странам целый год, не оставляя места, где бы я не поклонялся Аллаху. И достигнув той местности, я поднялся на гору, где была пустынь одного монаха по имени Матруханиа. И, увидев меня, он вышел ко мне и поцеловал мне руки и ноги и сказал: "Я увидел тебя, когда ты вошел в землю румов, и ты возбудил во мне желание посетить страны ислама". А затем он взял меня за руки и ввел в эту пустынь и пришел со мною в темную келью. И когда я вступил в нее, он поймал меня врасплох и запер меня за дверь. Он оставил меня в келье сорок дней без еды и питья и хотел уморить меня. И случилось, что в какой–то день пришел в эту пустынь патриций по имени Дикьянус, с десятью слугами, и еще с ним была его дочь по имени Тамасиль, красавица бесподобная. И когда они вошли в пустынь, монах Матруханна рассказал им обо мне, и патриций сказал: "Выведите его. На нем не осталось достаточно мяса, чтобы насытиться птицам". И они открыли дверь этой темной кельи и увидели, что я стою в михрабе и молюсь, читая Коран, славословя и умоляя Аллаха великого. И, увидав меня в этом положении, Матруханна сказал: "Поистине, это колдун из колдунов!"

И когда румы слышали эти слова, они все поднялись и вошли ко мне. И Дикьянус со своими людьми подошел и жестоко побил меня. И тогда я пожелал смерти и стал укорять себя, говоря: "Вот воздаяние тем, кто превозносится и гордится, когда господь их пожаловал им нечто, для них непосильное! О душа, в тебя вошла гордость и заносчивость! Не знаешь ты разве, что гордость гневит господа и ожесточает сердца и ввергает человека в огонь?" А затем пеня заковали и вернули на мое место (а было оно в пологе под полом этой комнаты). И каждые три дня мне бросали ячменную лепешку и давали глоток воды. И всякий месяц или два месяца патриций приезжал и заходил в эту пустынь. И его дочь Тамасиль выросла, – а когда я увидел ее, ей было девять лет, и я провел в плену пятнадцать лет, так что всего ей стало двадцать четыре года жизни, – и нег в наших странах или в землях румов никого лучше нее. Ее отец боялся, что царь возьмет у него дочь, так как она отдала себя мессии, но она ездила со своим отцом на коне в обличье мужей–витязей, и нет ей равной по красоте, и те, кто видел ее, не знают, что она девушка.

А ее отец сложил ее богатства в этом монастыре, ибо каждый, у кого есть какие–нибудь ценные сокровища, складывает их в этой пустыни. И я видел там золото, серебро и драгоценные камни всякого рода и всевозможные сосуды и редкости, количество которых не исчислит никто, кроме Аллаха великого. Вы более достойны владеть ими, чем эти неверные; возьмите же то, что есть в монастыре, и раздайте это мусульманам, в особенности бойцам за веру.

А когда эти купцы прибыли в аль–Кустантынию и продали свои товары, с ниии заговорило изображение на стене по милости, оказанной мне Аллахом. И они пришли в монастырь и убили монаха Матруханпу, подвергнув его сначала жесточайшей пытке, и они тащили его за бороду, пока он не указал им, где я.

И когда они взяли меня, и у них не было другого пути, кроме бегства, так как они боялись гибели. А завтра вечером Тамасиль, как обычно, придет в пустынь, и ее отец нагонит ее, вместе со слугами, так как он боится за нее; и если вы хотите присутствовать при этом, возьмите меня, я пойду перед вами и передам вам богатство и казну патриция Дикьянуса, которая находится на этой горе: я видел, как нечестивые вынимали золотые и серебряные сосуды и пили из них, и видел у них девушку, которая пела им по–арабски (горе мне, если бы этот прекрасный голос раздался при чтении Корана!). Хотите, войдите в монастырь, спрячьтесь там, пока не придет туда Дикьянус и с ним его дочь, и возьмите ее, – она годится только для царя времени – Шарр–Кана или для царя Дау–аль–Макана".

Услышав ее слова, все обрадовались, кроме везиря Дандана, который не поверил старухе, и слова ее не вошли в его ум, но он побоялся заговорить с нею из уважения к царю. И он был смущен ее словами, и на лице его виднелись признаки недоверия, а старуха Зат–ад–Давахи сказала: "Я боюсь, что придет патриций и увидит эти войска на лугу и не осмелится войти в монастырь". И султан велел двинуть войска по направлению к аль–Кустантинии. И Дау–аль–Макан сказал: "Я хочу взять с собою сотню всадников и много мулов, и мы отправимся к той горе, чтобы нагрузить их богатствами, которые в пустыни".

А затем он послал в ют же час и минуту к старшему царедворцу и велел ему явиться к себе, а также призвал начальников турок и дейлемитов и сказал им: "Когда настанет утро, отправляйтесь в аль–Кустантынию, и ты о вельможа, будешь замещать меня при решениях и планах, а ты, Рустум, заменишь моею брата в бою. Не давайте никому знать, что мы не с вами, а через три дня мы нагоним вас".

Затем он выбрал сотню всадников из храбрецов и удалился вместе со своим братом Шарр–Каном, везирем Данданом и сотней конных. И они взяли с собою мулов и сундуки, чтобы везти деньги..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто шестая ночь

Когда же настала девяносто шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Шарр–Кан и его брат Дау–аль–Макан, везирь Дандан и сто конных поехали к монастырю, который им описала

проклятая Зат–ад–Давахи, и взяли с собою мулов и сундуки, чтобы везти деньги. А когда наступило утро, старший царедворец крикнул среди войск клич о выезде, и войска двинулись, думая, что Шарр–Кан, Дау–аль–Макан и везирь с ними, и не зная об их отъезде в монастырь.

Вот что было с этими. Что же касается Шарр–Кана, его

брата Дау–аль–Макана и везиря Дандана, то они простояли на месте до конца дня, и нечестивые люди Зат–ад–Давахи ехали тайком, после того как вошли к ней, поцеловали у нее руки и ноги и попросили разрешения уехать. А она позволила и велела им устроить какие она хотела хитрости. Когда же спустился мрак, старуха поднялась и сказала Дау–аль–Макану и его людям: "Идемте со мной на гору и захватите немного войска!" И они повиновались и оставили на склоне горы пять всадников, а остальные пошли впереди Зат–ад–Давахи, которая окрепла от большой радости.

И Дау–аль–Макан говорил: "Да будет превознесен тот, кто дал силу этому подвижнику, равного которому мы не видели".

А кудесница послала царю аль–Кустантынии письмо на крыльях птицы, осведомляя его о том, что случилось, и в конце письма она говорила: "Я хочу, чтобы ты послал мне десять тысяч всадников из румских храбрецов; пусть идут крадучись по склону горы, чтобы их не увидели войска ислама. И, придя в монастырь, укроются там, пока я не явлюсь к ним, и со мной будет царь мусульман и его брат. Я обманула их и привела сюда вместе с везирем и сотней всадников, не больше. Я передам им кресты, которые в монастыре. Я решила убить монаха Матруханну, так как хитрость удастся, только если он будет убит. А когда моя хитрость исполнится, не достигнет родины из мусульман ни обитатель дома, ни раздувающий огонь, а Матруханна будет выкупом за людей христианской веры и приверженцев креста.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Слава же мессии в начале и конце!"

И когда это письмо достигло аль–Кустантынии, смотритель почтовых голубей принес записку царю Африду, и тот, прочтя ее, немедленно послал войско, снабдив каждого воина конем, верблюдом, мулом и припасами, и велел им направиться к тому монастырю и, достигнув известного им укрепления, укрыться там.

Вот что было с этими. Что же касается царя Дау–аль–Макана, его брата Шарр–Кана, везиря Дандана и войска, то они прибыли к монастырю и, войдя туда, увидели монаха Матрухапну, и тот подошел, чтобы посмотреть, кто они. И тогда подвижник воскликнул: "Убейте этого проклятого!" И они ударили его мечом и заставили выпить чашу гибели. А затем проклятая повела их к месту, где были приношения, и они извлекли оттуда еще больше редкостей и драгоценностей, чем она им описала, и, собрав все это, положили в сундуки и погрузили на мулов.

А что до Тамасиль, то она не явилась, ни она, ни ее отец, так как они боялись мусульман, и Дау–аль–Макан провел, ожидая ее, и этот день, и второй день, и третий день. И тогда Шарр–Кан воскликнул: "Клянусь Аллахом, мое сердце занято мыслью о войсках ислама, и я не знаю, что с ними!" И его брат сказал ему: "Мы захватили эти богатства, и мы не думаем, что Тамасиль или кто–нибудь другой придет в монастырь после того, как с войсками румов случилось то, что случилось. И надлежит нам удовольствоваться тем, что уготовил нам Аллах, и отправиться! Может быть, Аллах поможет нам завоевать Кустантынию". И затем они спустились с горы, и Зат–ад–Давахи не могла им воспрепятствовать, так как боялась, что они разгадают ее обман.

И они ехали, пока не достигли входа в ущелье, и вдруг, оказывается, старуха посадила там засаду из десяти тысяч всадников, и, увидев мусульман, они окружили их со всех сторон и направили на них копья и обнажили белые клинки, и неверные закричали слова неверия и наложили на тетивы стрелы зла. И Дау–аль–Макан с братом Шарр–Каном и везирем Данданом посмотрели на это войско и увидели, что это войско великое, и вскричали: "Кто сообщил этим воинам о нас?" – "О брат мой, – сказал Шарр–Кан, – теперь не время для речей, – теперь время разить мечом и метать стрелы! Усильте же вашу решимость и укрепите ваши души, ибо это ущелье подобно улице с двумя воротами. Клянусь господином арабов и не арабов, не будь это место узким, я бы уничтожил их, хотя бы их было сто тысяч всадников!" – "Знай мы это, мы бы наверное взяли с собой пять тысяч всадников", – сказал Дау–аль–Макан. И везирь Дандан молвил: "Если бы с нами было в этом узком месте десять тысяч всадников, от них не было бы никакой пользы, но Аллах поможет нам против них. Я знаю это узкое ущелье, и мне известно, что в нем много убежищ, так как я проходил здесь во время похода с царем Омаром ибн ан–Нуманом. Когда мы осаждали аль–Кустантынию, мы находились в этом ущелье, и тут протекает вода холоднее снега. Поднимайтесь же, Выйдем отсюда, прежде чем войска неверных умножатся против нас и будут раньше нас на вершине горы. Они станут кидать на нас камни, и мы не достигнем желаемую".

И они стали поспешно выезжать из ущелья, а подвижник посмотрел на них и сказал: "Что это за боязнь, раз вы продали свои души Аллаху великому, идя по пути его?! Клянусь Аллахом, я провел под землей пятнадцать лет и не возроптал на Аллаха за то, что он со мною сделал. Сражайтесь же на пути Аллаха, и кто из вас будет убит, ему приют в раю, а кто убьет – к чести ведет его усердие".

И когда они услышали от подвижника эти слова, их забота и горе прошли, и они стояли твердо, пока неверные не двинулись на них со всех сторон. И мечи заиграли на их шеях, и заходила между ними чаша гибели. И мусульмане, повинуясь Аллаху, бились жестоким боем и работали среди врагов его зубцами и наконечниками. Дау–аль–Макан разил мужей и повергал храбрецов и рубил им головы – пятерку за пятеркой, десяток за десятком, так что погубил неверных в числе неисчислимом и ко множестве бесконечном. И в это время он вдруг увидел, что проклятая делает бойцам знаки мечом и ободряет их, и всякий, кто боялся, бежал к ней. А она кивала неверным, чтобы они убили Шарр–Кана, и они кидались убивать его о гряд за отрядом, но на всякий отряд, несшийся на него, он нападал сам и обращал его в бегство. И за одним несся другой отряд, и Шарр–Кан мечом обращал его вспять. И он подумал, что побеждает по благословию этого богомольца, и сказал про себя: "Поистине, Аллах посмотрел на него оком заботливости и укрепил мою волю против спорных благодаря его чистым намерениям! Я вижу, они меня боятся и не могут подступиться ко мне: напротив, всякий раз, как они на меня кинутся, они поворачивают спины и обращаются в бегство".

И войска бились остаток дня, до конца дневного времени, а когда пришла ночь, они расположились в одной из пещер в этом ущелье, испытав много бед и закиданные камнями, и было убито из них в этот день сорок пять человек. А сойдясь друг с другом, они стали искать подвижника, по не увидели ни следа его. Им стало из–за этого тяжело, и они сказали: "Быть может, он погиб мученически". И Шарр–Кан молвил: "Я видел, как он укреплял витязей господними указаниями и охранял их Знаменами всемиростивого". И когда они разговаривали, вдруг пришла проклятая Зат–ад–Давахи, и в руках у нее была голова великого патриция, предводителя двадцати тысяч. А это был непокорный притеснитель и дерзкий сажана, которого убил стрелой один турок, и Аллах немедля поверг его дух в огонь, и, увидя, что сделал тот мусульманин с их товарищем, неверные бросились на него и привели его к гибели, изрубив мечами, и Аллах немедля послал его душу в рай. А проклятая отрезала голову этому патрицию и принесла ее и бросила перед Шарр–Каном, царем Дау–аль–Маканом и везирем Данданом. И, увидя старуху, Шарр–Кан вскочил на ноги и воскликнул: "Слава Аллаху, что ты спасся и мы тебя видим, о богомолец, подвижник и боец за веру!" А старуха сказала: "О дитя мое, я искал в сегодняшний день мученической смерти и кидался на войска неверных, но они страшились меня. А когда вы разошлись, меня взяла ревность за вас, и я кинулся на старшего патриция, их предводителя, который один считался за тысячу всадников, и ударил его и сбросил ему голову с тела, и ни один неверный не мог подойти ко мне близко. И я принес вам его голову..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто седьмая ночь

Когда же настала девяносто седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что проклятая Зат–ад–Давахи, взяв голову патриция, главы двадцати тысяч неверных, принесла ее и кинула перед Дау–аль–Маканом, его братом Шарр–Каном и везирем Данданом и сказала: "Когда я увидел, каково вам, меня взяла ревность за вас, и я бросился на старшего патриция, ударил его мечом и скинул ему голову. И никто из неверных не мог подойти ко мне близко. Я принес вам его голову, чтобы ваши души окрепли для боя с неверными и вы ублажили бы своими мечами господ рабов. Я хочу, чтобы вы занялись битвой, а сам пойду к вашему войску, даже если оно у ворот аль–Кустантынии, и приведу вам оттуда двадцать тысяч всадников, которые погубят этих нечестивых". – "А как же ты пойдешь к ним, о подвижник, когда долина со всех сторон заперта неверными?" – спросил Шарр–Кан. И проклятая сказала: "Аллах укроет меня от их глаз, и они меня не увидит, а кто и видит, не осмелится подойти ко мне: я в эго время исчезну, по воле Аллаха, и он сразится за меня со своими врагами". – "Ты сказал правду, подвижник, так как я был свидетелем этому, – ответил Дау–аль–Макан, – и если ты можешь отравиться в начале ночи, это будет для нас лучше". – "Л я иду сейчас же, – сказала старуха, – и если ты хочешь пойти со мною, невидимый никем, – поднимайся. А коли пойдет с нами твой брат, мы возьмем и его, по никого другого: сень святого покроет только двоих". – "Что до меня, то я не оставлю моих товарищей, – сказал Шарр–Кан, – но если мой брат согласится, – не беда, чтобы он пошел с тобою и освободился из этой теснины: ведь он – крепость мусульман и меч господ миров. Если захочет, пусть берет с собою везиря Дандана или кого он выберет, и пришлет нам десять тысяч всадников в помощь против этих злодеев".

И они столковались и сошлись на этом, а потом старуха сказала: "Дайте срок – я пойду раньше вас и посмотрю, что с неверными: спят они или бодрствуют". Но ей ответили: "Мы выйдем только с тобою и вручаем свое дело Аллаху". – "Если я вас послушаюсь, не упрекайте меня, но корите только себя самих, – сказала старуха. – Я думаю, вам следует дать мне срок, и я узнаю, что с ними".

И Шарр–Кан молвил: "Иди и не мешкай, мы ждем тебя". И Зат–ад–Давахи ушла, а Шарр–Кан после ухода заговорил со своим братом и сказал ему: "Не будь этот подвижник чудотворцем, он бы не убил того патриция–притеснителя! В этом достаточное доказательство силы этого подвижника, и мощь неверных сломилась поелю убийства патриция: он ведь был непокорный притеснитель и дерзкий сатана". И когда они беседовали о чудесах отшельника, вдруг проклятая Зат–ад–Давахи вошла к ним и обещала им победу над неверными, и они поблагодарили подвижника, не зная, что это хитрость и обман. И затем проклятая спросила: "А где царь времени Дауаль–Макан?" И он ответил ей: "Я здесь". А она сказала: "Возьми с собою твоего везиря и ступай за мною – мы пойдем в аль–Кустантынию".

А Зат–ад–Давахи рассказала неверным, какую она устроила хитрость, и они обрадовались до крайности и сказали: "Наши души успокоятся

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

только после убийства их царя за убийство патриция, так как у нас не было воина доблестнее его". И когда скверная старуха Зат-ад-Давахи рассказала им, что она приведет к ним царя мусульман, они сказали: "Когда ты его приведешь, мы возьмем его к царю Афрудуну".

А потом старуха Зат-ад-Давахи отправилась, и Дауаль-Макан и везирь Дандан отправились с нею, а она шла впереди них и говорила: "Идите с благословения Аллаха великого". И они ответили ей согласием, и пронзила их стрела судьбы и рока. И она шла с ними до роки, пока не оказалась посреди войска неверных и не достигла упомянутого узкого ущелья. И войска румов смотрели на них, но не причиняли им зла, ибо проклятая так им велела. И когда Дау-аль Макан и везирь Дандан увидели воинов неверных и узнали, что неверные видят их, но не делают им зла, везирь Дандан воскликнул: "Клянусь Аллахом, это чудо подвижника! Нет сомнения, что он из числа избранных". – "Клянусь Аллахом, – сказал Дау-альМакан, – я думаю, что неверные слепы, так как мы видим их, а они нас не видят". И пока они восхваляли подвижника и поминали его чудеса, воздержание и благочестие, вдруг неверные ринулись на них, окружили и схватили их и спросили: "Есть ли с вами еще кто-нибудь, кроме вас двоих, чтобы нам схватить и его?" "Разве вы не видите еще вот этого человека, который перед нами?" – спросил везирь Дандан. Но неверные воскликнули: "Клянемся мессией, монахами, католикосом и митрополитом, мы не видим никого, кроме вас двоих!"

И тогда Дау-аль-Макан вскричал: "Клянусь Аллахом, то, что с нами случилось, – наказание нам от Аллаха великого..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девяносто восьмая ночь

Когда же настала девяносто восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что неверные схватили паря Дау-аль-Макана и везря Дандана и спросили их: "Есть ли с вами кто-нибудь, кроме вас двоих, чтобы нам схватить его?" И везирь Дандан сказал: "Разве вы не видите еще вот этого человека, который схватил?" – "Клянемся мессией, монахами, католикосом и митрополитом, мы не видим никого, кроме нас двоих!" – воскликнули неверные, и затем они наложили им на ноги цепи и назначили людей сторожить их там, где они спали.

А старуха Зат-ад-Давахи скрылась с их глаз, и они стали вздыхать и говорили друг другу: "Поистине, преклонение праведникам приводит их к большему, чем это, и в наказание нам – беда, которая нас постигла".

Вот что было с Дау-аль-Маканом и везирем Данданом. Что же касается до паря Шарр-Кана, то он проспал эту ночь, а когда наступило утро, он встал и совершил утреннюю молитву, и затем он и бывшие с ним войска поднялись и приготовились к бою с неверными. И Шарр-Кан скреплял их сердца и обещал им всякие блага. И они двинулись и достигли неверных, и, увидев их издали, неверные закричали: "О мусульмане, мы взяли в плен вашего султана и его везира, который устраивает ваши дела. И если вы не отступитесь от боя с нами, мы убьем вас до последнего. Если же вы отдадите нам ваши души, мы пойдем с вами к нашему царю, и он помирится с вами на том, что вы не выйдете из нашей страны и не отправитесь в ваши земли. И вы не будете ничем нам вредить, а мы не будем вредить вам. Если вы согласны, это будет удача, если же откажетесь – будет вам только смерть. Мы вас уведомили, и вот наше последнее слово к вам".

И когда Шарр-Кан услышал их слова и удостоверился, что его брат и везирь Дандан взяты в плен, ему стало от этого тяжело, и его силы ослабли, и он убедился в своей гибели и сказал про себя: "Посмотри-ка! Почему это их взяли в плен? Случилось ли им дурно обойтись с отшельником, или они прекословили ему, или что там еще с ними?" А затем мусульмане поднялись на бой с неверными и убили из них великое множество. И в этот день можно было отличить храброго от труса. Окрались мечи и копья, и неверные слетелись к ним отовсюду, как мухи слетаются к вину. А Шарр-Кан и его люди непрестанно сражались и бились, как бьются те, кто не боится смерти не упускает удобного случая, пока долина не потекла от крови и земля не наполнилась убитыми.

Когда же настала ночь, войска разошлись, и каждый отряд ушел на свое место, и мусульмане воротились в ту пещеру, и была очевидна их неудача и поражение, так как осталось их мало. И только на Аллаха и на мечи могли они положиться. И убито было в этот день из них тридцать пять всадников из эмиров и вельмож, хотя от их меча пали тысячи неверных, пеших и конных.

И, узнав все это, Шарр-Кан почувствовал, что дело стало плохо, и спросил своих людей: "Как поступить?"

И его люди сказали ему: "Будет лишь то, чего хочет Аллах великий".

А на второй день Шарр-Кан сказал оставшимся воинам: "Если вы выйдете на бой, никто из вас не уцелеет, как у нас осталось лишь немного воды и пищи. У меня есть замысел, указывающий верный путь: обнажите мечи, выйдите и встаньте у входа в эту пещеру и отражайте всякою, кто подступит к вам. Быть может, подвижник уже прибыл к войску мусульман и приведет нам десять тысяч всадников, которые нам помогут в сражении с неверными, и, может быть, неверные не увидели его и тех, кто был с ним". И люди Шарр-Кана ответили ему: "Это и есть правильное мнение, и в верности его нет сомнения". А потом воины вышли и заняли вход в пещеру и встали по бокам его, и всякого из неверных, кто хотел войти к ним, они убивали.

И принялись они отражать неверных от входа и стойко бились с ними, пока день не ушел и не пришла ночь с ее мраком..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.